

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61
УДК 82.0

Виртуально-творческий межнациональный диалог (А. Жид – Ф. Ницше – Ф. Достоевский) во французском и русском литературоведении

Марина Михайловна ГЛАЗКОВА ✉, Яна Владимировна ИКОННИКОВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
✉ rusfilol37@mail.ru

Аннотация. В результате обзора литературы по проблеме «Диалог культур в творчестве А. Жида» установлены обширные контактные связи и типологические схождения, переклички образов и идей, выявлены новые трактовки сюжета. Все это стало основой интертекстуального анализа, позволившего более глубоко понять интенцию художников слова, особенно Ф.М. Достоевского, с кем А. Жид и вступает в виртуальный диалог. Цель работы – обращение к этико-философским идеям Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского в контексте произведений А. Жида, что оказывается важнейшим моментом и основой для понимания сути творчества видного французского писателя. В систему анализа входит своеобразный диалог Ф. Ницше, А. Жида с Ф.М. Достоевским – художников, относящихся к разным национальностям и культурам, не совпадавшим по времени, не знавшим друг друга лично, который оказался свидетельством их неразрывной культурной связи. Определена степень изученности и самобытности художественного мира А. Жида на основе богатого фактического материала, который содержится в исследованиях творческого наследия французского писателя, что позволяет проследить эволюцию творчества А. Жида с начала XX до начала XXI века, определить литературоведческую значимость проблем, которые поставлены в его творчестве. Методология работы включает в себя обзор уже сделанного во французском и русском литературоведении по данной проблеме в контексте воплощения в их творчестве национальных идей, что и составляет новизну и актуальность данного исследования. Выводы: для А. Жида обращение к Ф.М. Достоевскому было погружением в его художественные тексты с целью познания русской ментальности в сопоставлении её с западно-европейской системой ценностей. Французский писатель подчёркивал, что в русской среде, изображённой Ф.М. Достоевским, преобладает любовь, которая «всеохватна», поэтому она писателем названа «всемирной отзывчивостью». К такой любви люди идут через сострадание, жертвенность, кротость и глубокую веру в Спасителя и Богородицу. Осознав свою мессианскую роль в мире, русский народ в лице Ф.М. Достоевского, по мнению А. Жида, в будущем обновит католическую церковь, искажившую христианство и внесшую распри в мировое общество. Диалогический ракурс требует более глубокого исследования, потому что и французские, и немецкие, и русские писатели-мыслители обращают свой взгляд не только на интерпретационную часть, не только на толкование, интерпретацию произведений Ф.М. Достоевского, но и на рассыпанные в произведениях А. Жида переклички с его мыслями, споры с его героями, намёки на его сюжеты, на обыгрывание отдельных эпизодов, что не нашло детального изучения и обоснования в этом интересном виртуальном диалоге.

Ключевые слова: контактные и типологические связи писателей; схождения и переклички и совпадения трактовки образов мировой литературы; виртуальный диалогизм

Для цитирования: Глазкова М.М., Иконникова Я.В. Виртуально-творческий межнациональный диалог (А. Жид – Ф. Ницше – Ф. Достоевский) во французском и русском литературоведении // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 51-61. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Virtual-creative interethnic dialogue (A. Gide – F. Nietzsche – F. Dostoevsky) in French and Russian literary criticism

Marina M. GLAZKOVA ✉, **Yana V. IKONNIKOVA**

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ rusfilol37@mail.ru

Abstract. The review of literature on the problem of “Dialogue of cultures in A. Gide’s works” establish extensive contact and typological convergence, a rollcall of images and ideas, reveal new interpretation of the story. All this became the basis of intertextual analysis, which allows us to understand more deeply the intention of the artists of the word, especially F.M. Dostoevsky, with whom A. Gide enters into a virtual dialogue. The work purpose is to address the ethical and philosophical ideas of F. Nietzsche and F.M. Dostoevsky in the context of A. Gide’s works, which turns out to be the most important moment and the basis for understanding the essence of the work of prominent French writer. The system of analysis includes a peculiar dialogue between F. Nietzsche, A. Gide and F.M. Dostoevsky – artists belonging to different nationalities and cultures, who did not coincide in time, did not know each other personally, which turned out to be evidence of their inextricable cultural connection. We determine the study degree and A. Gide’s artistic world originality on the basis of the rich factual material contained in the studies of the creative heritage of the French writer, which allows us to trace the evolution of A. Gide’s work from the beginning of the 20th to the beginning of the 21st century, to determine the literary significance of the problems posed in his work. The methodology of the work includes an overview of what has already been done in French and Russian literary studies on this issue in the context of the embodiment of national ideas in their work, which is the novelty and relevance of this study. Conclusions: for A. Gide, an appeal to F.M. Dostoevsky was immersed in his literary texts in order to understand the Russian mentality in comparison with the Western European system of values. The French writer emphasized that in the Russian environment, depicted by F.M. Dostoevsky, love prevails, which is “inclusive”, so the writer called it “world responsiveness”. People go to such love through compassion, sacrifice, meekness and deep faith in the Savior and the Mother of God. Realizing their messianic role in the world, the Russian people, represented by F.M. Dostoevsky, according to A. Gide, in the future will renew the Catholic Church, which distorted Christianity and brought strife in the world community. The dialogical perspective requires a deeper study, because French, German and Russian writers-thinkers turn their gaze not only to the interpretative part, not only to the interpretation, interpretation of the works of F.M. Dostoevsky, but also scattered in the works of A. Gide rolls with his thoughts, disputes with his heroes, allusions to his plots, to playing out individual episodes, which did not find a detailed study and justification in this interesting virtual dialogue.

Keyword: contact and typological writers’ connections; convergence and rollcall and coincidence of interpretation of world literature images; virtual dialogism

For citation: Glazkova M.M., Ikonnikova Y.V. Virtual’no-tvorcheskiy mezhnatsional’nyy dialog (A. Zhid – F. Nitshe – F. Dostoyevskiy) vo frantsuzskom i russkom literaturovedenii [Virtual-creative interethnic dialogue (A. Gide – F. Nietzsche – F. Dostoevsky) in French and Russian literary criticism]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 51-61. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Андре Жид (1869–1951) представляет уникальное явление в истории мировой ли-

тературы. Обладатель Нобелевской премии по литературе (1947 г.), А. Жид считается

«самым современным классиком», который оказал значительное влияние на становление мировой литературы XX века. Богатое разнообразное литературное наследие французского писателя в жанре романов, эссе, театральных пьес, критических статей, дневников, мемуаров, переписки с выдающимися деятелями эпохи позволяет исследователям говорить об А. Жиде как о многогранном художнике.

Хотя об Андре Жиде выпускается ежегодный бюллетень, посвящённый его творчеству, свидетельствующий о неисчерпаемости оттенков вопросов и тем, связанных с его прозой, до сих пор не исследован смысл творческого диалога А. Жида с Ф. Ницше и Ф.М. Достоевским, который длился всю его творческую жизнь. А между тем в своих лекциях о Ф.М. Достоевском писатель, размышляя о противоречивости философии Ф. Ницше, сближал точки зрения этих двух противоположных мыслителей, доказывая их диалогичность.

В 70-е гг. XX века появляются серьёзные исследовательские работы, в которых литературоведы обращаются к моральным, психологическим, философским вопросам в художественном мире А. Жида. Особый интерес направлен к теме «Ф.М. Достоевский и А. Жид». В современных работах уделяется внимание жанровой проблематике романов писателя, роли идей Ф.М. Достоевского в произведениях французского классика и их интерпретации.

К теме «Осмысления творчества А. Жида и Ф. Ницше» в России долгое время не обращались, поскольку именно немецкий мыслитель длительное время подвергался негативной оценке, в результате чего сформировался образ «имморалиста, декадента, идеолога нацизма, шовиниста, антисемита, проповедника фашизма» [1]. В 1990-е гг. интерес к наследию Ф. Ницше приобрёл новые парадигмы прочтения: его работы были интересны для исследователей языка и филологии науки [1].

На наш взгляд, обращение к этико-философским идеям Ф. Ницше в свете идей Ф.М. Достоевского и в контексте произведений А. Жида является основой для понимания сути его творчества. В систему анализа в нашем исследовании входит своеобразный

диалог художников-мыслителей Ф. Ницше, А. Жида и Ф.М. Достоевского, относящихся к разным культурным кодам. Этот важный, во многом пророческий диалог художников слова, показывающий неразрывность культурных связей западноевропейских литератур и России.

В книге «Андре Жид», созданной Р. Лалу, особенно ярко показана борьба «демонов» и «ангелов» в душе человека в романе А. Жида «Фальшивомонетчики» (1925), почерпнутая из романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871). Критик приходит к следующему выводу: «Человеку часто говорили, что он несёт в себе Царство Бога, А. Жид неустанно повторяет, что он несёт в себе также царство Сатаны и не может избавиться от обязанности приносить плоды от своего двойного наследия» [2, p. 45-46].

Р. Лалу сосредоточивается на религиозной проблематике, раскрывая внутренний конфликт в душе самого писателя, который обусловил эмоциональность и драматизм сюжетов его произведений. Исследователь уверен, что основные противоречия, которые пронизывают все тексты А. Жида, могут быть сведены к одной дилемме: как быть свободным от моральных догм и в то же время «не перейти черту», то есть понимание того, что полная безудержная свобода не совместима с нравственным законом.

Рамон Фернандес в монографии «Андре Жид» (1931) вектор своего исследования направляет на специфику его историзма. Он не согласен с мнением, что А. Жид «меньше всего думает об исторических фактах, по сравнению с другими писателями» [3, p. 14]. Учёный расширяет параметры исследования творчества А. Жида. Он говорит об его эволюции от автобиографии к роману, которая «отвечает важнейшим историческим моментам...», акцентируя внимание на духовном плане его исторической значимости [3, p. 14]. По мнению исследователя, драма А. Жида – это «драма влечения, вторжение другого в его внутреннюю жизнь, в его христианское сознание, что приводит к значительным последствиям, к конфликту» [3, p. 18]. Р. Фернандес назвал основную тему произведений А. Жида – это «Бог как судия» – и объявил, что христианская религия очень ограничивает человека, создавая «кандалы для свободы

личности». Он, как и Р. Лалу, подчёркивал нерешенность внутреннего конфликта, который переживает писатель. Подсознательно тема столкновения неограниченной свободы Ф. Ницше и строгой христианской морали Ф.М. Достоевского уже ощутима в трактовке творчества французского писателя.

Имя Ф. Ницше появится в непосредственной связи с А. Жидом в монографии Анри Дрена «Ницше и Жид» (1932). Автор рассматривает созвучность идей немецкого и французского мыслителей на примере «Так говорил Заратустра» (1883–1885) и ранних произведений А. Жида («Яства земные» 1887, «Имморалист» 1902, «Тесные врата» 1909). Цель критика – изучить «порыв души к свободе и к радости», который, на первый взгляд, объединяет двух художников, Ф. Ницше и А. Жида [4, р. 26].

По мнению А. Дрена, герои А. Жида, как и Заратустра, находятся в поисках своего «глубокого естества», прежде всего, хотят быть свободными, вот почему они «отдаляются от огороженных мест, церковей, семей, они отрицают любую собственность» [4, р. 104]. Г. Дрен считает, что бесконечная проблема, которая стоит в центре мысли А. Жида и Ф. Ницше, – это «проблема индивиду и его возможностей. Проблема отрицания Бога и проблема индивидуализма» [4, р. 106].

Французский исследователь ставит вопрос о смирении и гордыне в творчестве Ф. Ницше и А. Жида, приходя к выводу, что Ф. Ницше, как и герои А. Жида, в своей гордыне терпят поражение в споре с Богом. Хотя в концепции Г. Дрена звучат морализаторские интонации, исследователь утверждает, что единственным правильным путём человека должен быть путь «не до сверхчеловеческого, а к Богу» [4, р. 255].

Двухтомная монография «Андре Жид, его жизнь, его творчество» Леона Пьер-Кена – одно из самых интересных литературоведческих исследований начала XX века. Он также обращается к биографии художника, обогащая свой труд «Дневниками» А. Жида, письмами, воспоминаниями его друзей, проникая, таким образом, в самую суть характера писателя. Автор оригинально рассматривает тему диалогизма, которая интересовала его предшественников. В своей монографии фран-

цузский критик концентрирует внимание на самых драматических моментах жизни А. Жида. По его мнению, внутренний мир писателя, его своеобразное мировоззрение проявляются в эволюции его творческих поисков, в том числе и в осознании моральных ценностей. Учёный сосредоточивает свой основной интерес на вопросах морали в творческой системе французского писателя. Он считает, что именно противоречивые мнения А. Жида, ярко отражённые в его произведениях, и составляют «Его Мораль». Пьер-Кен предполагает, что после чтения Евангелия и Ф.М. Достоевского А. Жид осознал, что «он не сможет уничтожить окончательно противоречия своей природы» [5, р. 234]. По его мнению, французский писатель прошёл путь от «эгоцентрического индивидуализма к евангельской морали», но эти два аспекта слились в единую систему – в индивидуализм» [5, р. 192]. Критик расширяет исследовательские параметры, показывает эволюцию в формировании нравственного мировоззрения А. Жида.

К религиозной проблематике, воплощённой в виртуальном диалоге писателей, обращается и Луи Баржон в своём исследовании «Жид и Сент-Экзюпери» (1952). Преподаватель современной французской литературы Луи Баржон задумывается в своём научном труде над вопросом веры «в мире, где провозглашена смерть Бога» [6, р. 5].

Начиная свое исследование творчества писателей А. Жида и А. де Сент-Экзюпери с их детства, автор акцентирует внимание на религиозном воспитании. Оба сироты, которые рано потеряли родителей, писатели прошли сложный жизненный путь к пониманию религии. А. Жид воспитывался в протестантской семье, «окружённый пуританской моралью, которая является противоестественной», как считает учёный [6, р. 18]. А. де Сент-Экзюпери вырос в католической среде. Л. Баржон утверждает, что А. Жид видел в «нравственных нормах принцип разрушения своего жизненного порыва», А. де Сент-Экзюпери, наоборот, видел «принцип, который направляет и укрепляет этот порыв» [6, р. 18]. В своём небольшом по размеру труде католический учёный находит отличия в основной теме творчества двух писателей: А. Жид провозглашает смерть

Христа, а произведения А. де Сент-Экзюпери направлены к прославлению Христа [6, р. 30]. Л. Баржон одним из первых подходит к размышлениям о смерти Бога в творчестве А. Жида, но вместе с тем акцентирует внимание на необходимости принимать особенности протестантского воспитания французского писателя.

В трудах, посвящённых А. Жиду (1950–1960 гг.), появляются новые векторы изучения его художественного мира. В другом направлении ведёт свои исследования творчества А. Жида французский философ Марк Бегбедер. Соглашаясь и полемизируя со своими предшественниками, он выдвигает новые идеи. В монографии со странным, на первый взгляд, названием «Взгляд с окна на человека Жида» (1954), М. Бегбедер также отмечает неотъемлемость творчества художника от его биографии, «хотя бы для того, чтобы понять, как сформировалось его творчество» [7, р. 9]. Учёный методично «открывает окна» жизни французского писателя, начиная от пуританского детства и вместе с тем анализируя истоки «еретических» взглядов А. Жида.

В 1957 г. выходит двухтомное биографическое исследование «Молодость Андре Жида» Жана Деле, который вносит новое, неординарное видение художественной переклички французского писателя с русским гением, рассматривая начало его творческого пути через психоаналитический метод. Опираясь на труды З. Фрейда, автор монографии раскрывает основные мотивы творческой реализации французского писателя. А. Жид, по его утверждению, находит «путь своего спасения в литературном творчестве» [8, р. 657]. Учёный акцентирует внимание на серьёзном увлечении французского писателя философией Ф. Ницше. По его мнению, это увлечение сильно повлияло на возникновение сложного внутреннего конфликта, связанного с религиозным воспитанием А. Жида. Ж. Деле говорит о том, что благодаря своему «личному методу, ироничной эстетике, примененной к морали, А. Жид должен был выздороветь от своего ницшеанства, прививая его своим героям» [8, р. 658]. Автор уверен, что все герои писателя «страдают от своего индивидуализма», всех он приводит к «банкротству» [8, р. 658]. Исследова-

тель приходит к выводам, что А. Жид, несмотря на всю свою психологическую сложность и противоречивость, остался христианским писателем.

Характерной чертой, объединяющей этих исследователей, является то, что в центре – личность А. Жида в его внутреннем монологическом диалоге с Ф.М. Достоевским, как неотъемлемое свойство биографического метода. Для французского писателя много значит свобода личности, считает Жан Гутьер, «но изображает он её, как правило, во всей её сложности» [9, р. 157].

Не все исследователи с восторгом отнеслись к творчеству А. Жида. Французский романист Марсель Берже в своём труде «Стиль под микроскопом» (1949) проводит детальный анализ предисловия к «Имморалисту». Неординарный стиль А. Жида Берже воспринимает негативно, считая, что в этом предисловии даже под микроскопом сложно отделить автора от главного героя Мишеля. Специфика его анализа в ироническом рассмотрении каждой фразы, каждого слова, используемого А. Жидом. Как пишет М. Берже, «это предисловие абсолютно противоречит любому предисловию» [10, р. 69].

Анализируя большой массив критической литературы об А. Жиде, можно проследить существенное изменение направления исследовательского внимания с конца XX – до начала XXI века в сторону осмысления антихристианского мировоззрения А. Жида.

В своей монографии «Андре Жид и Поль Валери» (1998) Даниэль Мутот посвящает целый раздел проблеме «Жид и Ницше». Исследователь обращается к литературному наследию А. Жида, также выделяя его наиболее «ницшеанский» роман «Имморалист». Основная проблема, по мнению критика, это проблема «трагического столкновения Жизни и Культуры, поставленная в рамки конкретного существования» [11, р. 130]. Как считает Д. Мутот, само знакомство А. Жида с творчеством Ф. Ницше повлияло на замену заголовка ницшеанским понятием «Имморалист». Исследователь считает, что основная ницшеанская тема «переоценки всех ценностей» звучит во всём романном творчестве А. Жида до 1925 г.

В монографии Д. Мутот исследует пересечения идей А. Жида с творческим потен-

циалом Ф.М. Достоевского, высоко оценивая книгу А. Жида «Достоевский»: «Достоевский и его творчество соприкоснулись с французским сознанием XX века благодаря Жиду...» [11, р. 197]. Исследователь справедливо отмечает, что в классическом наследии А. Жида можно выделить несколько творческих образов Ф.М. Достоевского. Д. Мутот изучает творчество русского писателя на менее известных во Франции его произведениях: «Кроткая» и «Неточка Незванова», тем самым обогащая представление французского читателя о «русском гении».

На рубеже XX–XXI веков французские учёные обращаются к теме влияния Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского на творчество А. Жида в других аспектах. В этом плане выделяется статья Софи Оливье «Полемика между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского» (1994). Исследовательница подробно останавливается на переписке Поля Клоделя и А. Жида, в котором обсуждаются вопросы религии. По мнению С. Оливье, «Жид находит в русском писателе кое-что от протестантизма своего детства: любовь к евангельскому Христу и враждебность в отношении католической религии. Писатель пленяет его постоянным смирением, которое он проявляет на каторге, полным отсутствием бунта против своей судьбы» [12, с. 212].

Труд Николаса Ода “L'impossible confession de Fédor Dostoïevski écrite par André Gide” (2014) выделяется среди других интересными размышлениями и параллелями с прозой Ф.М. Достоевского. Исследователь подчёркивает, что А. Жид ушёл от намерения написать биографию Ф.М. Достоевского, но создал в результате «биографическое пространство без биографии» [13, р. 6]. Учёный говорит о разительном отличии между исповедью «по Достоевскому и по А. Жиду». По мнению Н. Ода, исповедь – это «настоящее место встречи двух писателей: с одной стороны, специфическая игра А. Жида вокруг построения картины себя, с другой стороны, романский универсум Достоевского, которому присуща противоречивая позиция повествования о себе» [13, р. 6]. Н. Ода одним из первых обращается к проблеме исповедальности в творчестве А. Жида.

С расширением художественного и культурного контекста значение творчества Ф.М. Достоевского для А. Жида становится всё более явным. В XXI веке появляются зарубежные исследования не только французских авторов, которые посвящены вопросу «Достоевский и Жид».

В своей книге “A Virgil to his Dante: Gide's reception of Dostoievski” (2000) британский литературовед и историк Дональд Рейфилд, устанавливая зависимость развития художественной концепции А. Жида от Ф.М. Достоевского и от евангельских истин, писал: «Евангелие и Достоевский действуют в тандеме на развитие Жида» [14, р. 342]. В поле зрения учёного попадают самые известные произведения А. Жида «Фальшивомонетки», «Подземелья Ватикана», Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», «Идиот». Подытоживая, Д. Рейфилд пишет о том, что «с «Фальшивомонетчиками» А. Жид освободился от влияния Ф.М. Достоевского, в «Подземельях Ватикана» французский писатель показывает человеческую природу, силу, которая протестует против порядка и универсума, против морали и разума» [14, р. 354].

Мари Мюрезан в своей статье с символическим названием «Пустые комнаты Андре Жида» (2008) обращается к теме влияния немецкого и русского мыслителей на творчество французского писателя. Исследовательница акцентирует внимание на том факте, что до публикации романа «Имморалист» в 1902 г. А. Жид даже не вспоминал о Ф. Ницше ни в своём Дневнике, ни в письмах. Подтверждая, таким образом, мнение самого А. Жида о том, что «ницшеанство началось ещё до появления Ницше». Она рассматривает «ницшеанство» в «дневниках» А. Жида и его двух произведениях «Яства земные» (1897) и «Имморалист» (1902). Автор статьи говорит о постоянной «борьбе» А. Жида, «чтобы совместить Ницше и Достоевского в пространстве своего литературного творчества» [15, р. 1]. Исследовательница посвоему очерчивает существующую проблему. Каждый из великих мыслителей, по её мнению, вносит свою долю влияния на художественный мир французского писателя. Но, как считает М. Мюрезан, А. Жид не смог до конца принять ни позицию Ф. Ницше, ни позицию Ф.М. Достоевского. С таким выво-

дом сложно согласиться, поскольку литературовед не включает в свой труд такую важную составляющую творчества французского писателя, как самобытный диалог А. Жида с философом Ф. Ницше и писателем Ф.М. Достоевским, заключённый в явных переключках образов, идей и художественных средств выражения.

Высоко оценивали творчество А. Жида многие российские писатели, литераторы, выдающиеся деятели эпохи начала XX века. Французский писатель был близко знаком с И.А. Буниным, Г. Адамовичем, И. Эренбургом, М. Бердяевым, Б. Пастернаком. М. Цветаева в своём письме к А. Жиду (1937) обращается к нему как к французскому писателю, который любит Россию, знаком с русской литературой [16].

В России литературоведы вводили в свои исследования, анализировали и литературно-критические труды А. Жида. Особенно важно, что, освещая фигуру французского классика с разных сторон, литературовед Н.Я. Рыкова в своей вступительной статье ко второму тому собрания сочинений А. Жида (1935) обращается к его труду «Достоевский». Она концентрирует внимание на значимости творчества Ф.М. Достоевского для европейской литературы конца XIX века. По верному, на наш взгляд, мнению Н.Я. Рыковой, роман «Бесы» французский писатель расценивает как роман «революционного раскрепощения», с явной политической направленностью, а личные суждения А. Жида не охватывают всего «многопланового спектра значений произведений Достоевского» [17, с. 332]. Анализ творчества А. Жида посвящено несколько научных трудов Н.Я. Рыковой, главные из которых: «Андре Жид и его роман «Фальшивомонетки», «Проза. Модернистские и консервативные тенденции».

Творческий диалог с Ф.М. Достоевским у французского писателя был всеобъемлющим. В 1908 г. А. Жид написал сценарий по роману «Братья Карамазовы» для постановки на сцене французского театра. Одновременно выходят статьи А. Жида «Переписка Достоевского» (1908), а затем «Братья Карамазовы» (1911), «Речь на праздновании столетия со дня рождения Достоевского» (1921).

А. Жида интересует всё: личность Ф.М. Достоевского, его жизнь и его творче-

ство, эксклюзивность его художественного языка, его взгляды на мир. Среди невоплощённых замыслов А. Жида стало создание биографического эссе «Жизнь Достоевского», но в 1923 г. выходит в свет книга «Достоевский», которая состояла из нескольких статей, также в неё вошли лекции, прочитанные в театре «Старая Голубятня», посвящённые столетию со дня рождения русского гения.

Свои лекции о Ф.М. Достоевском А. Жид начинает с обращения к литературной работе М. де Вогюе «Русский роман» (1886), где он сетует, что М. де Вогюе сознательно ограничивает выбор анализируемых произведений российского автора: «Господин Вогюе подаёт нам плачевно обеднённый, неполный и тем самым искажённый образ этого необыкновенного гения...» [18, с. 205-206]. Такое резкое определение обусловлено тем, что французский учёный обходит своим вниманием такие масштабные произведения Ф.М. Достоевского, как «Братья Карамазовы» и «Бесы».

М. де Вогюе, действительно, выделял как самые удачные романы «Бедные люди», «Записки из мёртвого дома», «Преступление и наказание», отмечая, что именно в этих произведениях «лучше показаны разные грани его (Достоевского) таланта» [19, р. 266]. Однако в своём исследовании он обращался и к таким произведениям Ф.М. Достоевского, как «Униженные и оскорблённые», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы», давая обобщающую, но неполную характеристику этим романам.

М. де Вогюе неоднократно указывал на «растянутость» романов Ф.М. Достоевского, считая это основным недостатком российского писателя [19, р. 266]. М. де Вогюе по-своему акцентировал внимание на особых, значительных моментах творчества Ф.М. Достоевского, подчёркивая его уникальность и его талант психолога.

А. Жид акцентировал внимание на «современности образов», созданных в этом романе, считая, что «никакое произведение художественной фантазии не владеет более убедительным бытием, чем эти знаковые образы; ни на мгновение не теряющие своей выраженной реальности» [18, с. 239].

Большую часть своего анализа М. де Вогюэ посвятил роману «Записки из Мёртвого

дома» (1860–1861). Он обратился к биографической линии произведения, которая плотно вплетена в канву романа, в которой содержится, по его мнению, опыт четырёх лет жизни на каторге самого Ф.М. Достоевского. В этом романе христианская идея страдания, по убеждению М. де Вогюэ, возведена русским писателем до крайней степени моральной ценности: «Я не думаю, что можно нарисовать более мучительные страдания в более отвратительной обстановке <...> Он поднял осторожной, но безжалостной рукой полотно, скрывавшее от взоров самих русских этот сибирский ад, ледяной круг Данте, затерявшийся в далёких туманах» [19, р. 236-237]. М. де Вогюэ понимал страдание в романах Ф.М. Достоевского как средство духовного возрождения человека, как необходимый путь «морального очищения» [19, р. 110], и всё творчество Ф.М. Достоевского он определял «как религию страдания». По мнению М. де Вогюэ, весь смысл произведений Ф.М. Достоевского заключается в одной фразе, когда Раскольников стоит на коленях перед Соней: «Я стою на коленях перед всем страданием человеческим» [19, р. 111]. Французский учёный говорит об эстетизации страдания, апологии страдания в произведениях Ф.М. Достоевского.

А. Жид, так же, как и М. де Вогюэ, видит в творчестве Ф.М. Достоевского те аспекты, которых лишены французские романы. Он также выделяет в Ф.М. Достоевском «склонность не только к страданию, но и к состраданию, которое свойственно и преступнику» [18, с. 11]. А. Жид акцентирует внимание на основополагающей роли Евангелия как в жизни, так и в литературном творчестве Ф.М. Достоевского: «Всё, что он писал потом, проникнуто евангельским учением» [18, с. 267].

Развивая эту тему, А. Жид приходит к интересному сравнению понимания Евангелия Ф.М. Достоевским и Ф. Ницше: «Безопасной, глубокой реакцией, которую оно вызвало у Ф. Ницше, была, надо прямо сказать, зависть» [18, с. 267]. А. Жид считает, что реакция Ф.М. Достоевского была совсем другой: «Он сразу же почувствовал, что Ф.М. Достоевский низко склонился перед Христом; и первым, и самым важным следствием этого было его самоотречение» [18,

с. 267]. Надо заметить, что в своём исследовании творчества Ф.М. Достоевского А. Жид часто обращался к немецкому философу. В предисловии к изданию книги «Достоевский» он использовал цитату Ф. Ницше: «Достоевский – единственный психолог, у которого я мог чему-то научиться», демонстрируя таким образом основной ориентир своего исследования. В своей работе А. Жид, по сути, противопоставил две полярные философские системы этих двух выдающихся мыслителей.

Своеобразное осмысление понимания «человека в мире» Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше найдёт своё отражение и в произведениях А. Жида. Уже в 1902 г., до появления труда «Достоевский», выходит его роман «Имморалист», где писатель создаёт героя, близкого по духу, но вписывает его в жизненные реалии своего времени. А. Жид анализирует, к чему приводит «свобода» в ницшеанском понимании, в мире, где «Бог умер». Писатель замечает, что Ф. Ницше «требует действия, вследствие которого «сильный человек» без каких-либо моральных потерь для себя может быть освобождён от мук совести» [18, с. 267]. В «Имморалисте» главный герой Мишель не освобождается от мук совести, а самому французскому писателю остаётся искать гуманный путь в мире, где «Бог умер».

Для постижения самобытности творчества Ф.М. Достоевского А. Жид обращался к теме своеобразия русской ментальности: «В русской душе он видит «склонность к всемирной отзывчивости и всепримирению» и доходит до того, что <...> произносит удивительные слова, что русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться. <...> эта «всемирная отзывчивость» сопровождается и подкрепляется пламенным чувством любви к России, которое в сознании Достоевского является необходимым» [18, с. 227-228]. По убеждению А. Жида, национальная эксклюзивность играет первоочередную роль в понимании творчества русского классика. Склонность к страданию и состраданию, самоунижение, «религиозность русского человека, которая остаётся даже тогда, когда любая вера угасла» [18, с. 270] – одно из важнейших качеств

русского народа и лично Ф.М. Достоевского, по мнению А. Жида.

Оба критика, и М. де Вогюе, и А. Жид, вглядываясь в творчество Ф.М. Достоевского, видят самобытность русского характера, приходя к выводу, что мировосприятие русского человека не укладывается в рациональную ментальность европейца. М. де Вогюэ приводит слова Свидригайлова из «Преступления и наказания» о «широком человеке...»: «Русский человек – человек необъятный, необъятный, как его земля, страшно склонный ко всему фантастическому и беспорядочному» [19, р. 268]. М. де Вогюе сознательно подчёркивал: «Русский человек» акцентирует своё внимание на общенациональных ценностях. Поведение героя Ф.М. Достоевского часто не поддаётся пониманию рационального европейца. Доказывая свое мнение, М. де Вогюе приводит цитату Тютчева:

Умом Россию не понять,
В Россию можно только верить [19, р. 243].

То, что у М. де Вогюэ только намечено пунктирно, у А. Жида разворачивается в подробное исследование. А. Жид постоянно подчёркивает важную роль христианского сознания героев Ф.М. Достоевского. Его внимание сосредоточено на глубоком отличии русского человека от западноевропейского: «Русский человек, наоборот, всегда готов признаться в своей неправоте, – даже перед врагом, – всегда готов на самоунижение, самообвинение» [18, с. 274]. А. Жида поражает изображение исповеди в произведениях русского писателя, которое существенно отличается от европейского понимания: «Идея исповеди не на ухо священнику, исповеди перед первым встречным, всенародной, повторяется, как нечто неотступное в романах Достоевского» [18, с. 274].

А. Жид неуклонно акцентирует внимание на своеобразии русской ментальности и считает, что в своём творчестве Ф.М. Достоевский проводит идею о «мессианской роли русского народа в духовном возрождении Запада» [18, с. 228]. Французский писатель педалирует мысль, выраженную в высказывании самого Ф.М. Достоевского: «Напишут много книг, а главное упустят: на Западе Христа потеряли... и поэтому Запад приходит

в упадок, именно поэтому» [18, с. 229]. Основным в этом высказывании есть взгляд самого А. Жида: именно в письмах Ф.М. Достоевского, которые он цитирует, он выделяет общие с ним убеждения: «На Западе Христа потеряли по вине католицизма»? Где тот французский католик, который теперь осмелится растрогаться слезами благочестия, что наполняют эту переписку? Зря Достоевский желает «развенчать перед миром русского Христа, миру неведомого, и начало которого заключается в нашем родном православии», – французский католик уверен в своей вере, не захочет слушать...» [18, с. 229-230]. А. Жид критикует роль католической церкви, которая обесценила себя, исказила веру, и в этом смысле он приближается к главной идее Ф. Ницше.

В русском писателе А. Жид видит своего единомышленника и выделяет самое главное: «Не к анархии ведёт нас Достоевский, а просто – к Евангелию» [18, с. 327]. И даёт объяснение: «Христианское учение – то, которое содержится в Евангелии, – обычно представляется нам, французам, только через призму католической церкви. Достоевский воспринял учение Христа непосредственно и только из Евангелия, а именно этого не допускает католик» [18, с. 327]. А. Жид акцентирует внимание на Ф.М. Достоевском как носителе своеобразного христианского сознания: «...я не знаю писателя более христианского и в то же время такого далекого от католицизма» [18, с. 327]. Этот выбор темы для А. Жида неслучаен и очень важен: «Только оставив позади своё отчаяние и своё преступление, даже казнь, только будучи выброшенным из человеческого общества, Раскольников встретился с Евангелием. В любом случае, Ф.М. Достоевский был полностью убеждён так же, как и я, в том, что в евангельских истинах нет никакой путаницы; а это самое главное» [18, с. 340-341]. А. Жид говорит о себе словами Ф.М. Достоевского, он видит в нём своего собрата, в отличие от М. де Вогюе, который всегда сохранял менторский стиль исследователя.

Французской формуле логического последовательного изложения событий в романе А. Жид противопоставляет «ветвистую» манеру Ф.М. Достоевского: «...кажется, что мысли ложатся под его перо не одна за дру-

гой, а одновременно, или что подобно «ветвистым деревьям», которые царапают его, пока он вытаскивает их на свет, и за всё цепляются по дороге; отсюда – и запутанная многочисленность, которая, будучи подавленной, предопределяет сложность его романов» [18, с. 210], отрицая, таким образом, позицию М. де Вогюе, который негативно отзывался о стиле Ф.М. Достоевского. Французское восприятие особой манеры письма Достоевского подтверждает и современник А. Жида, французский критик Андре Сюарес, который также отмечает на своеобразное очарование «беспорядка» у Ф.М. Достоевского: «Достоевский – это удивительный беспорядок, когда ему не удаётся найти свой порядок. Но его порядок – это чудо, когда он его достигает» [20, р. 286-287]. Анализируя произведения Ф.М. Достоевского, А. Жид заметил то, что его творчество было подготовлено романами Ф.М. Достоевского.

Таким образом, во многих исследованиях и художественных произведениях А. Жида проявляется морально-идеологическое

единство, отражены важнейшие человеческие ценности, озвученные в Евангелиях. Особенно много параллелей и схождений в произведениях А. Жида, расширяющих параметры работы, в которой подробно рассматриваются проблемы религиозного сознания героев Ф.М. Достоевского, ставящего вопрос о «сверхчеловеке» в своих произведениях. В размышлениях над метафизической системой Кириллова, которая содержит, по мнению А. Жида, «зародыш Ницше», содержатся противоречия.

А. Жид и Ф.М. Достоевский сыграли колоссальную роль через свои переключки в русской и во французской культурах. Ценность исследований художественных интерпретаций творчества Ф.М. Достоевского в творчестве А. Жида заключается во внесении нового в понимание «человека в мире». Воспринимая в произведениях русского писателя человеческое страдание как путь ко Христу, А. Жид подчёркивал его христианскую уникальность, универсальность как художника и психолога.

Список литературы

1. *Синеокая Ю.В.* Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI в.): дис. ... д-ра философ. наук. М., 2003. 426 с.
2. *Lalou R.* André Gide. Strasbourg, 1928. 126 p.
3. *Fernandez R.* André Gide. P., 1931. 265 p.
4. *Drain H.* Nietzsche et Gide. Essai / ed. de la Madleine. P., 1932. 256 p.
5. *Pierre-Quint L.* André Gide sa vie, son oeuvre. P.: Librairie Stock, 1932. 346 p.
6. *Barjon L.* Gide et Saint-Exupéry. P., 1952. 31 p.
7. *Beigbeder M.* Fenêtre sur l'homme Gide. P., 1954. 135 p.
8. *Delay J.* La jeunesse d' André Gide. P., 1957. Vol. 2. 684 p.
9. *Hytier J.* André Gide. P., 1945. 327 p.
10. *Berger M.* Style au microscope. P., 1949. Vol. 1. 241 p.
11. *Moutote D.* André Gide et Paul Valéry. Nouvelles recherches. P., 1998. 358 p.
12. *Оливье С.* Полемика между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1994. № 3. С. 210-221.
13. *Aude N.* L'impossible confession de Fédor Dostoïevski écrite par André Gide // Séminaire «Genèse et autobiographie». ITEM. 2014. 8 Feb.
14. *Rayfield D.* A Virgil to his Dante: Gide's Reception of Dostoevsky // Forum for Modern Languages. St. Andrews, 2000. October. Vol. 36. № 4. P. 340-356.
15. *Muresan M.* Les chambres vides d' André Gide // Littérature histoire théorie. 2008. № 4.
16. *Цветаева М.* Андре Жиду // Наследие Марины Цветаевой: сайт о великом русском поэте XX века. URL: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_zidu (дата обращения: 02.09.2020).
17. *Рыкова Н.Я.* Предисловие // Жид А. Собрание сочинений. Т. 2. Л., 1935. С. 329-333.
18. *Жид А.* Достоевский // Жид А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: пер. с фр. А. Фёдорова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. 464 с.
19. *De Vogüé M.* Roman russe. P.: Librairie Plon, 1892. 352 p.
20. *Suarès A.* Trois hommes. P., 1913. 280 p.

References

1. Sineokaya Y.V. *Filosofiya Nitsche i dukhovnyy opyt Rossii (konets XIX – nachalo XXI v.): dis. ... d-ra filosof. nauk* [Philosophy of Nietzsche and the Spiritual Experience of Russia (late 19th – early 21st centuries). Dr. phil. sci. diss.]. Moscow, 2003, 426 p. (In Russian).
2. Lalou R. *André Gide*. Strasbourg, 1928, 126 p. (In French).
3. Fernandez R. *André Gide*. Paris, 1931, 265 p. (In French).
4. Drain H. *Nietzsche et Gide. Essai*. Paris, 1932, 256 p. (In French).
5. Pierre-Quint L. *André Gide sa vie, son oeuvre*. Paris, Librairie Stock Publ., 1932, 346 p. (In French).
6. Barjon L. *Gide et Saint-Exupéry*. Paris, 1952, 31 p. (In French).
7. Beigbeder M. *Fenêtre sur l'homme Gide*. Paris, 1954, 135 p. (In French).
8. Delay J. *La jeunesse d'André Gide*. Paris, 1957, vol. 2, 684 p. (In French).
9. Hytier J. *André Gide*. Paris, 1945, 327 p. (In French).
10. Berger M. *Style au microscope*. Paris, 1949, vol. 1, 241 p. (In French).
11. Moutote D. *André Gide et Paul Valéry. Nouvelles recherches*. Paris, 1998, 358 p. (In French).
12. Olivye S. Polemika mezhdu Polem Klodelem i Andre Zhidom po povodu obraza Iisusa Khrista v tvorchestve Dostoyevskogo [Dispute between Paul Claudel and André Gide about the image of Jesus Christ in Fyodor Dostoevsky's works]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The problems of historical poetics*, Petrozavodsk, 1994, no. 3, pp. 210-221. (In Russian).
13. Aude N. L'impossible confession de Fédor Dostoïevski écrite par André Gide. *Séminaire «Genèse et autobiographie»*. ITEM Publ., 2014, 8 February. (In French).
14. Rayfield D. A Virgil to his Dante: Gide's Reception of Dostoevsky. *Forum for Modern Languages*. St. Andrews, 2000, October, vol. 36, no. 4, pp. 340-356.
15. Muresan M. Les chambres vides d'André Gide. *Littérature histoire théorie*, 2008, no. 4. (In French). Available at: <http://www.fabula.org/lht/4/muresan.html> (accessed 15.09.2020)
16. Tsvetayeva M. Andre Zhidu. *Naslediye Mariny Tsvetaevoy: sayt o velikom russkom poete XX veka* [The Legacy of Marina Tsvetaeva: a Site about the Great Russian Poet of the 20th century]. (In Russian). Available at: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_zidu (accessed 02.09.2020)
17. Rykova N.Y. Predisloviye [Introduction]. In: Zhid A. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Leningrad, 1935, pp. 329-333. (In Russian).
18. Zhid A. Dostoyevskiy [Dostoevsky]. In: Zhid A. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Vol. 6. Moscow, TERRA – Book Club Publ., 2002, 464 p. (In Russian).
19. De Vogüé M. *Roman russe*. Paris, Librairie Plon Publ., 1892, 352 p. (In French).
20. Suarès A. *Trois hommes*. Paris, 1913, 280 p. (In French).

Информация об авторах

Глазкова Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии. Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: rusifilol37@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, подбор первичного материала, поиск литературы, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

Иконникова Яна Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии. Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: janakareva@yandex.ru

Вклад в статью: обзор литературы, анализ художественного текста, написание статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 06.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 30.11.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the authors

Marina M. Glazkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Philology Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: rusifilol37@mail.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, literature search, material processing and editing, final manuscript approval.

ORCID: 0000-0003-0518-9896

Yana V. Ikonnikova, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Philology Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: janakareva@yandex.ru

Contribution: literature review, literary text analysis, manuscript drafting.

ORCID: 0000-0001-9170-8546

There is no conflict of interests.

Received 6 October 2020
Reviewed 30 November 2020
Accepted for press 25 December 2020